

Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: albert_burhan@list.ru

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ (В ПРЕДЕЛАХ ЛЕБАПСКОГО ВЕЛЯТА ТУРКМЕНИСТАНА) *

Памятники правобережья Амударьи в пределах Лебапского региона (Восточный Туркменистан), по сравнению с левобережьем, малочисленны и изучены слабо. Физико-географические и экологические условия региона неблагоприятны для сохранности памятников, к тому же они подвергаются разрушению со стороны Амударьи и в связи с хозяйственным освоением этих земель. Археологические исследования, в частности в Усты-кале, Битык-кале, Навидахе и других объектах прошлого, позволили получить новые данные, характеризующие материальную культуру населения региона в древности и средневековье.

Ключевые слова: Средняя Амударья, древность и средневековье, археологические памятники, городище, цитадель, стены и башни, стратиграфия поселения, культурный слой, сырцовый кирпич, переправа.

Лебапский регион – основная часть современного Лебапского вейлята (бывшая Чарджоуская область) Туркменистана, т. е. области Амуля и Земма с прилегающими землями по Средней Амударье, исторический центр имели в Амуде-Чарджуе [Бурханов, 2005. С. 35–37; 2006а; 2007а; 2008а]. Основная жизненная артерия Лебапского региона – Окс-Джейхун-Амударья, являлась главной торгово-транспортной магистралью всей Центральной (Средней) Азии. В ее среднем течении в историческом развитии отмечается наличие четырех основных и важнейших переправ, из которых самая главная, стратегически выгодная и удобная, на трассе «Великого шелкового пути» располагалась в районе Амуля-Чарджуя [Бурханов, 2005. С. 6–9, 35–37; 2008а].

Археологические данные позволяют выделить на территории Лебапского региона четыре крупных историко-культурных оази-

са: Керкинско-Мирзабекский (южный), Карабекаульский и Чарджоуский (центральные), а также примыкающие к ним с севера земли Дарганского оазиса (Южного Хорезма). Указанные оазисы разделены между собой пустынными зонами [Бурханов, 2005. С. 24, 42, 43; 2007а. С. 6]. В сочинениях авторов IX–X вв. побережье среднего течения Амударьи делилось на две историко-культурные области: Земм, соответствующий ареалу южной, керкинско-мирзабекской, группы памятников, и Амудь, владения которой включали Чарджоуский и Карабекаульский оазисы [Бурханов, 2006а. С. 51; 2007а. С. 6].

Археологические исследования, проведенные в последние десятилетия XX в., дали общее представление о характере заселения и основных чертах культуры населения оазисов Лебапского региона в древности и средневековье. К настоящему времени толь-

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

ко в Лебапском велаяте Туркменистана, в среднем течении Окса-Джейхуна-Амударьи, сохранились более 180 крупнейших и средних археологических объектов – крепостей и городищ, часть из которых показана на нашей карте (рис. 1, 1–20). В основном древние и средневековые памятники региона изучались эпизодически и на уровне рекогносцировки. Вместе с тем физико-географические условия Лебапского региона неблагоприятны для дальнейшей сохранности объектов прошлого. Амударьинская вода характеризуется наличием значительного количества механических примесей, придающих ей грязно-кофейную окраску. Примеси отлагаются на дне реки и на берегах, образуя мели и острова. Постоянно, из года в год, изменяется конфигурация берегов и дна, состоящих из рыхлого грунта. Особенность берегов Амударьи – превышение правого над левым. В связи с этим остатки древних поселений, особенно те, что расположены в непосредственной близости к реке, разрушаются вследствие воздействия

естественных факторов. Это связано с высоким уровнем грунтовых вод, сильной засоленностью почв, активным покрытием растительностью поверхности памятников, частыми наводнениями, блужданием русла и размывом коренных берегов, особенно правого. Ряд археологических объектов навсегда исчезли в водах Амударьи, оставшись для науки практически неизвестными [Бурханов, 2005. С. 8, 28, 35, 41, 50, 52]. К тому же отметим, что разрушительным процессам подвергаются не только мелкие, но средние и даже крупные поселения – городища. Примерами, в частности, могут служить разрушенная рекой древняя крепость в Наразыме, смытое в 1940-х гг. городище Ак-кала на юге Карабекаульского оазиса, а также почти полностью уничтоженное при наводнении в 1969 г. городище Старого Фараба – Битык-кала. В настоящее время идет процесс разрушения на правом берегу крепости Наргиз-кала и крупного городища Навидах (*кёшк* Зухра-Тахир), которые уже наполовину смыты рекой.

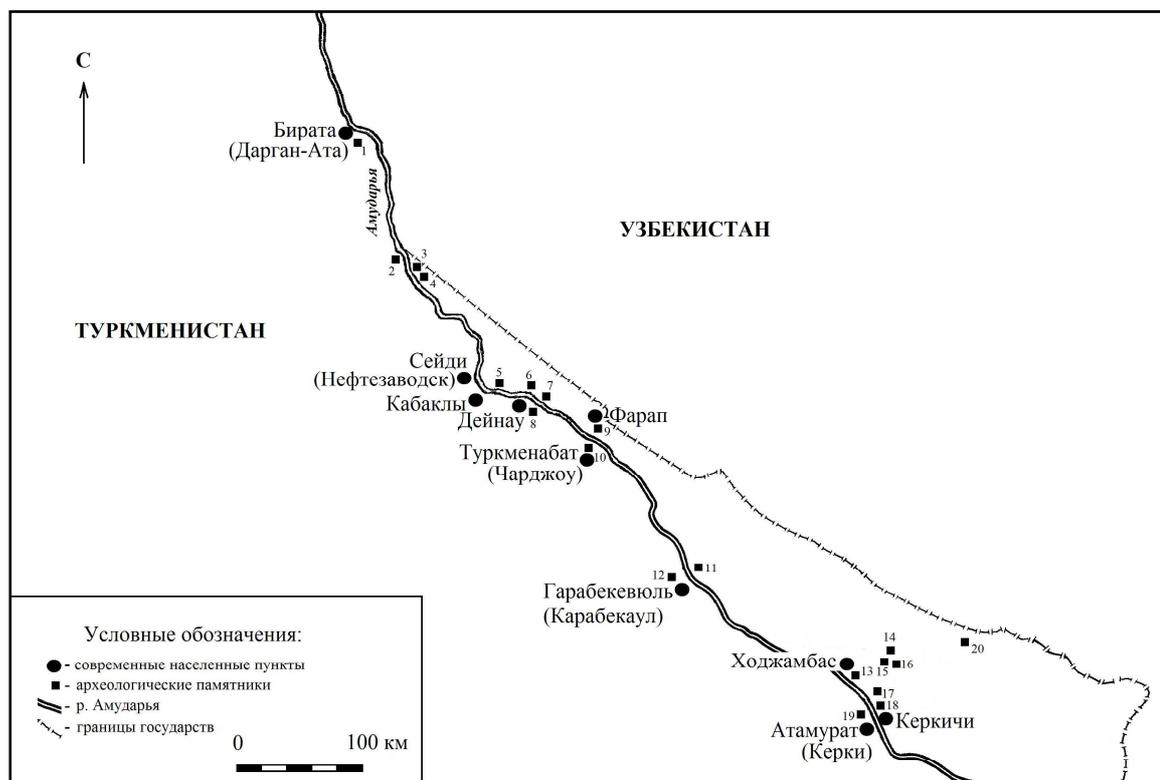

Рис. 1. Схематический план Лебапского региона с указанием основных поселений древнего и средневекового времени: 1 – Городище Дарган; 2 – Караван-сарай Дая-хатын; 3 – Кыз-кала; 4 – Йигит-кала; 5 – Наргиз-кала; 6 – Эльджик-кала; 7 – Усты-кала; 8 – Одей-депе; 9 – Битык-кала; 10 – Амуль-Чарджуй; 11 – Навидах (*кёшк* Зухра-Тахир); 12 – Ходжа-Идат-кала; 13 – Ак-депе-кала; 14 – Шор-депе I; 15 – Шор-депе II; 16 – Шор-депе III; 17 – Бешир-кала; 18 – Керкичи; 19 – Земм (Керкук); 20 – Талимарджанские сардобы

С учетом того, что основные торговые караванные и военно-стратегические пути в древности и средневековье проходили в основном по левому берегу Амударьи, то именно на левобережье сохранилось большинство известных археологических объектов [Бурханов, 2005]. На правом берегу их меньше в связи с относительно слабым освоением этой части побережья Средней Амударьи из-за тяжелых природно-географических и экологических условий. На основе рекогносцировочных и частичных стационарных исследований, проведенных нашими предшественниками и нами, попытаемся в краткой форме охарактеризовать некоторые крепости-форпосты, городища, сельские поселения и сардоба (водосборные объекты), сохранившиеся до сих пор на правом берегу Амударьи в пределах Лебапского велаята Туркменистана (см. рис. 1). В данной публикации мы приводим краткую характеристику ряда объектов правобережья Средней Амударьи на участке от Кыз-кала до Керкичи, что позволяет составить некоторое представление об основных чертах облика материальной культуры населения относительно слабоизученного региона.

В административно-территориальном отношении восточная, правобережная, часть Лебапского велаята растянута с севера на юг по землям Фарапского, Ходжамбасского, Атамуратского (Керкинского) и Чаршангинского этрапов (районов). В частности, в северной части Фарапского этрапа, историко-археологически включенной в состав Дарганского оазиса Лебапского региона, т. е. южной части исторических земель Южного Хорезма, рекогносцировочные исследования проводились САИАЭ ИИ АН Туркменистана на городищах Кыз-кала и Наргиз-кала, позднесредневековой туркменской (племени туркмен-атинцев) крепости Эльджик-кала и на остатках форпоста Усты-кала (рис. 1, 3, 5, 6, 7).

Крепость Кыз-кала площадью 6 га, расположенная напротив урочища Уч-Керсен, в 120 км ниже по течению Амударьи от велаятского центра Туркменабат (бывшего областного центра Чарджоу), была построена на верхней ровной площадке крутой обрывистой скалы (высотой 35 м) правого берега, расположенной ныне в 2 км от реки (рис. 1, 3; 2; 3). Планомерных и крупномасштабных раскопок крепости не проводилось. По ре-

зультатам разведочных ее посещений в 1939 г. С. П. Толстовым, 1964 г. А. А. Марушенко и 1972 г. Я. Г. Гулямовым остались лишь краткие упоминания [Толстов, 1941. С. 182–183; 1948. С. 167–168; Гуломов, 1972; Древности..., 1991. С. 13]. Некоторое исключение составляют исследования В. Н. Пилипко в 1974 г., в результате которых проведены сборы подъемного материала и зачистки в отдельных местах [Пилипко, 1980. С. 90–96]. В 1991 и 1994 гг. во время рекогносцировочной поездки и вертолетной съемки памятников Лебапского региона нами были осуществлены дополнительные наблюдения [Бурханов, 1997. С. 111; 1998; 2003. С. 165–166].

В плане крепость, с учетом естественных контуров возвышенности, имеет очертания неправильного пятиугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Площадь сооружения достигает 6 га. Внешние стены четко повторяют контуры холма, местами они имеют искусственно приданную волнистость, что создавало защитникам крепости дополнительные возможности для увеличения сектора обстрела. Стены сложены из рваного дикого камня, в основании шириной до 1,5–2 м. Местами они сохранились на высоту около 3 м (см. рис. 3). На значительной части площади сооружения внешняя стена одновременно являлась одной из стен примыкающих к ней помещений. В западной стороне крепости, где возвышенность имеет особо пологие склоны и начинается водовод к Амударье, внешняя стена была укреплена полукруглыми башнями: две из них сооружены из камня, а третья – из жженого кирпича. Въезд в крепость зафиксирован в юго-западной части, а подступ к нему защищал специальный форт. Въезд оформлен в виде мощного кирпичного портала со сводчатым завершением; сохранился на высоту 8 м лишь правый пилон.

Внутреннее устройство крепости условно можно разделить на 3 зоны: жилая застройка вдоль северной и южной стен, предназначенная для рядового состава гарнизона; центральная часть (почти не застроенная), скорее всего, предназначалась для воинских смотров и учений, и, наконец, административно-хозяйственный комплекс в северо-западной части крепости.

Водоснабжение крепости было достаточно острой проблемой. В связи с тем, что

Рис. 2. Общий вид Йигит-кала и Кыз-кала (съемка с вертолета, фото 1991 г., снято с юго-востока)

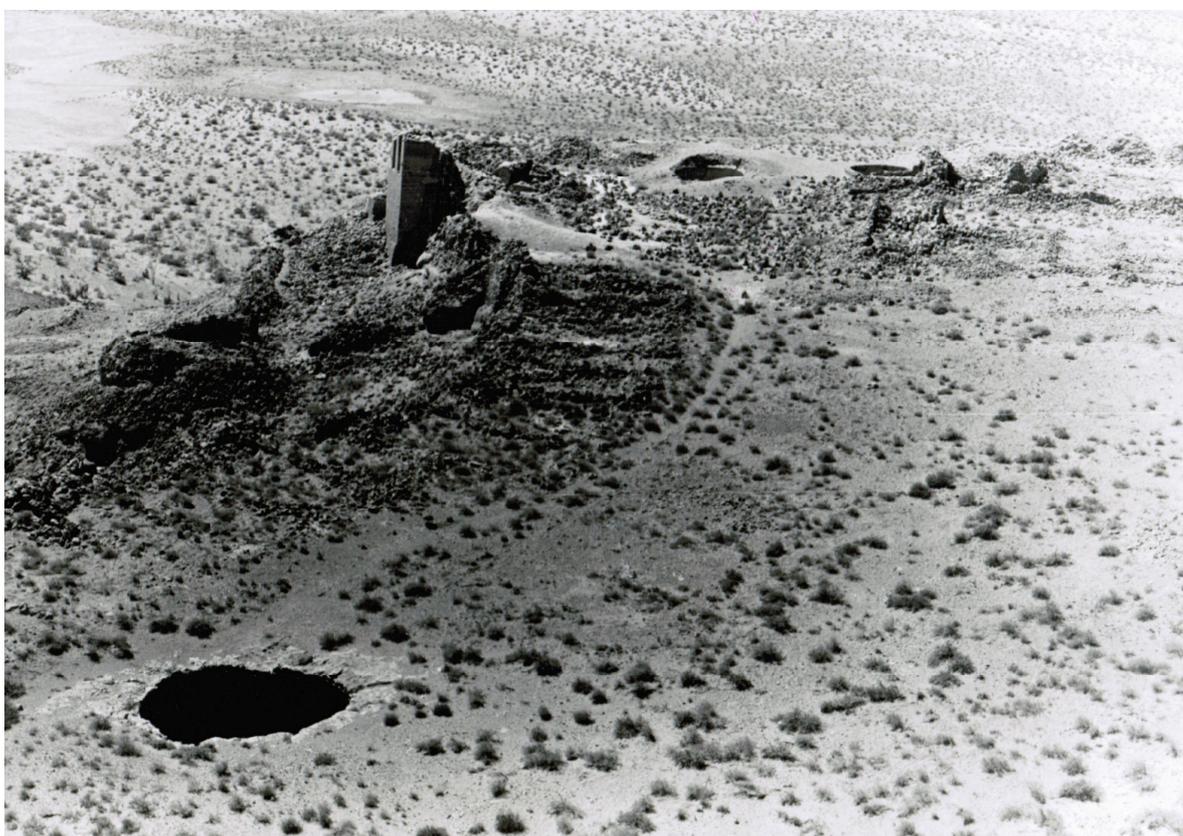

Рис. 3. Вид на руины сооружений Кыз-кала (фото 1991 г., снято с запада)

в случае осады Кыз-кала могла быть отрезанной от реки, в крепости имелась автономная система водоснабжения – подземный канал, прорытый от самой Амударьи. Его головное сооружение защищал большой форт Йигит-кала. К моменту наших исследований остатки этого укрепления были почти полностью разрушены. Окончание водовода находилось в западной части Кыз-калы и представляло собой глубокий колодец, облицованный жженым кирпичом.

Кроме водовода, в крепости имелись сардобы. Ныне сохранились шесть таких сооружений, пять из которых однотипны (см. рис. 3). Для примера остановимся на описании сардобы в восточной части крепости. Для этой цистерны первоначально в скале был вырублен цилиндр диаметром 6 м, стенки которого были облицованы жжеными кирпичами ($30 \times 30 \times 6$; $28 \times 29 \times 6$ см). Кирпич был уложен не плашмя, а клетками. Между двумя рядами кирпичей, уложенных плашмя на расстоянии, равном ширине кирпича, ставились вертикальные кирпичи торцом к лицевой стороне кладки. Образовавшиеся ячейки заполнялись обломками жженого кирпича и дикого камня, которые скреплялись известковым раствором и закрывались вертикально установленным кирпичом. Этот прием использовался в целях экономии жженого кирпича. Кладка купола, возведенного из плашмя уложенных кирпичей, начиналась на 1,5 м ниже дневной поверхности. Стены сардобы внутри облицованы двумя слоями водоустойчивого раствора, сбор воды осуществлялся по двум желобам, устроенным в нижней части купола. Современная глубина сардобы 2 м. С учетом сегодняшней глубины одной из сардоб в 6 м, затянутой илом, засыпанной мусором и обломками рухнувшего купола, можно попытаться условно определить первоначальную глубину сардоб Кыз-кала в пределах 9–10 м. Такую же величину можно получить при обмерах цилиндрической ямы в южной части крепости. Осмотревший ее С. П. Толстов назвал объект зинданом, а В. Н. Пилипко – недостроенной сардобой [Толстов, 1941. С. 183; Пилипко, 1980. С. 95]. В сегодняшнем состоянии это цилиндрическая яма диаметром 6 м и глубиной 8 м. До глубины 3,6–4,0 м она имеет ровные отвесные стенки, а ниже диаметр ее неравномерно увеличивается. Первоначально яма, вероятно, на всю глубину имела

вертикальные стенки и предназначалась для сардобы. Но по каким-то причинам она не была облицована жженым кирпичом и под воздействием атмосферных осадков нижняя часть стенок обвалилась, образовав подобие округлого помещения. Вероятно, первоначально глубина была не менее 10 м.

Помимо круглых сардоб, на Кыз-кала устроено водохранилище с овальным в плане резервуаром. Размеры его $9,5 \times 4,8$ м, глубина около 3 м. Цистерна заключена в ограду из дикого камня, и лишь фасадная ее стена, где имеется вход, выложена из жженого кирпича. Ширина стенок из камня 1 м, из жженого кирпича – 2 м. Водоохранилище, скорее всего, было перекрыто сводом участками (недалеко от входа сохранились несколько кирпичей, установленных на ребро). Техника сооружения стенок цистерны такая же, как у предыдущих круглых сардоб. Отличие лишь в используемых прямоугольных кирпичях ($41 \times 23 \times 6$ и $32 \times 22 \times 6$ см). Это свидетельствует о одновременности возведения водосборных цистерн Кыз-калы.

Подъемный археологический материал и находки из зачисток Кыз-калы относятся к XII–XIV вв. В их числе обломки поливных чаш на дисковидных вогнутых поддонах с желтоватым фоном и орнаментом, выполненным коричневой краской. Некоторые из них дополнительно украшены подглазурным гравированным орнаментом, пятнами и подтеками зеленой поливы. К этому же времени относится часть сосудов с сине-зеленой поливой. Среди находок немало и неполивных с лепным и процарапанным орнаментом керамических сосудов, изделия из камня, стекла, 2 монеты. Интересны также 2 железных, идентичных друг другу асимметрично-ромбических наконечника стрел черешкового типа с наибольшим расширением в верхней трети пера, с упором при переходе к черешку. Общая их длина – 14 см, длина пера – 6,2 см, ширина пера – 2,5–2,7 см. Отношение боевой части пера (до небольшого расширения) к несущей его части – $2,2 : 4$ (0,55) и боевой части к наибольшему расширению – $2,2 : 2,5–2,7$ (0,88–0,81). Судя по аналогиям, наконечники стрел относятся к XII–XIV вв. [Бурханов, 1998. С. 185; 2006б. С. 67–68. Рис. 2]. С определенной долей вероятности можно связать появление рассматриваемых наконечников здесь с включением в войско хорезмшахов отрядов кыпчаков из Приаралья [Буниятов,

1986], которые играли значительную роль в укреплении обороноспособности и мощи Хорезма. Возможно, какую-то часть гарнизона в Кыз-кала составляли воины-кыпчаки. Они же могли в составе войска хорезмшаха Мухаммеда участвовать в походах в Мавераннахр.

На основе историко-топографических и археологических данных можно аргументированно говорить о двух периодах строительства и функционирования крепости Кыз-кала. Ее возведение связано, скорее всего, с экспансией хорезмшахов в Мавераннахр и относится ко второй половине XII – началу XIII в. Именно в этот период Чарджоуский оазис Лебапского региона попал под власть Хорезма, что ясно подтверждается археологическими материалами, в частности монетами Мухаммеда Алла-ад-Дина. С. П. Толстов также считал, что крепость Кыз-кала являлась укреплением хорезмшахского времени (XII–XIII вв.) [1941. С. 183]. Во время монгольского нашествия крепость была оставлена гарнизоном, но через некоторое время вновь начала использоваться. Находки, связанные со вторым периодом обживания (прежде всего, керамика) – хорезмийского облика. Второе, окончательное запустение крепости, скорее всего, произошло в результате походов Тимура на золотоордынский Хорезм в 80-х гг. XIV в. Видимо, крепость была сдана без сопротивления, так как отсутствуют следы разрушения. В дальнейшем она была заброшена.

Совершенно очевидно, что крепость Кыз-кала, находившаяся в 200 км южнее древне-хорезмийской столицы Кята, являлась важным пограничным форпостом, прикрывая в районе среднего течения Амударьи южные рубежи Хорезма. Границы Хорезма в историческом развитии, особенно на правом берегу, были не столь стабильны, постоянно сдвигались то на юг, то на север. Так, к XIX в. границей между Хивой и Бухарой считалось расположенное ниже по течению укрепление Кукертли, т. е. она переместилась к северу от Кыз-калы.

В правобережной части Чарджоуского оазиса находится один из интереснейших памятников Лебапского региона – остатки древнего форпоста, известного под названием Усты-кала (Осты-кала). Расположен на окраине одноименного поселка, на территории колхоза «Азатлык» сельсовета Крач

Фарапского этрапа, в 40 км к северу от районного центра, вниз по течению Амударьи (рис. 1, 7; 4).

В 1939 г. памятник был обследован ХАЭЭ АН СССР, а в 1966 г. рекогносцировочное изучение Усты-кала проведено отрядом ИИ АН ТССР. В 1982 и 1985 гг. памятник изучался Г. Гутлыевым и А. А. Бурхановым, а в 1993 г. нами в ходе облета территории Средней Амударьи была произведена его фотосъемка с вертолета [Бердыев, 1967. С. 326; Пилипко, 1972. С. 72–73; Ходжаниязов, 1973. С. 10–11; Бурханов, 2005. С. 24–26; 2009. С. 17, 20].

Памятник находится на вершине высеченного в виде правильного цилиндра естественного холма, сложенного из красного песчаника и прослоек окаменевшей глины. Такие холмы типичны для правобережья Амударьи. Высота цилиндра – 18 м, диаметр – 50–60 м. Стенки его вырублены вертикально, и только в юго-восточной стороне оставлена полоса бывшего склона, являющегося фундаментом для пандуса. Его возвели из пахсы и сырцовых кирпичей размером 39 × 22 × 7 и 42 × 22 × 8 см. Пандус – единственный путь, ведущий в крепость.

Исследователи считают, что памятник служил своеобразной цитаделью более крупного городища, остатки которого, зафиксированные в 1939 г. С. П. Толстовым, сильно пострадали в ходе хозяйственного освоения прилегающей территории и ныне плохо фиксируются визуально. Городище представляло собой прямоугольник размером 200 × 200 м, с воротами напротив пандуса [Толстов, 1941. С. 184]. Ворота остатков цитадели фланкированы двумя крупными башнями, построенными в ходе позднейшего обживания крепости.

На вершине холма площадью около 0,3 га зафиксирован культурный пласт мощностью 3–5 м. В результате расположения крепости на скалистой площадке и долговременного ее обживания культурные слои интенсивно перемещались. В северной и восточной частях верхней площадки цитадели нами в 1982 г. зафиксированы участки внешней стены, построенной из пахсы и сырцового кирпича размером 52 × 46 × 12 см и сохранившейся в ширину на 1,0 × 1,5 м, высоту – более 1 м. Благодаря шурфу (2 × 2 м), заложённому в 1966 г. в центральной пониженной части холма, выявлен культурный слой мощностью до 1,5 м, в котором до

Рис. 4. Усты-кала (съемка с вертолета, фото 1993 г., снято с востока)

песчаного основания встречаются фрагменты позднесредневековой керамики. Аналогичное наблюдается и при зачистке промоины на западном фесе, где толщина культурного слоя достигает 2,5 м [Бердыев, 1967. С. 326]. Четкая стратиграфия холма прослежена в обрыве северного его края. Мощность культурных напластований на этом участке составляет 5 м. Толщина лежащего на естественной платформе нижнего культурного слоя достигает 0,8 м. В нем зафиксирована разнообразная керамика. Основные формы этого комплекса – крупные удлиненные бокалы на тонкой ножке и чаши с вертикально отогнутым бортиком. Эта керамика позволила отнести основание крепости к первым векам или даже рубежу нашей эры.

Нижний культурный слой без четкой границы сменяется мощными средневековыми слоями. На высоте 1 м от основания обнаружены три стоявших в ряд хума. Сосуды имеют округлое большого диаметра дно, объемное со слегка расширяющимся

вверх стенками тулово, крутые плечики и узкую цилиндрическую горловину, венчик в виде округлого выступающего наружу валика – по внешнему его краю, под углом друг другу, выполнены два ряда глубоких косых вмятин. В верхней части плечиков имеются 4 симметрично расположенных конусовидных налеса. В средний хум вставлена небольшая без дна хумча, внутри нее найдены перегнившие органические остатки, возможно, *ташнау*. Два других хума, имеющие дно, заполнены плотной серой землей. Крупные хумы подобного типа прослеживались нами и на других, недоступных для обследования, обрывистых участках, а также выкапывались при зачистках всхолмлений в верхней плоскости цилиндра.

При зачистке северо-восточного основания пандуса обнаружена керамика. Встречены отдельные фрагменты античной керамики, однако основную ее часть можно отнести к раннему средневековью. Наиболее часто встречаются обломки горшков

с невысокой горловиной и крутыми плечиками. На одном фрагменте стенки имеется оттиск в виде семилепестковой розетки.

На территории бывшего городища, южнее цитадели, было заложено 2 разведывательных шурфа. Один из них размерами 2 × 2 м на небольшом всхолмлении достигает глубины 2,4 м. Выявленный культурный слой можно отнести к позднему средневековью. Оба шурфа, достигающие материка, не позволяют, однако, установить время возникновения поселения на территории бывшего городища.

В 1985 г. в восточной части, у пандуса, был обнаружен средневековый колодец диаметром 1,5 м, сложенный из жженого трапециевидного кирпича. В южной части крепости выявлены остатки стены помещения высотой до 2 м и шириной до 80 см, которая была направлена на северо-восточную сторону крепости. На внутренней части сохранились остатки крашеной штукатурки, что подчеркивает жилой характер бывшего помещения.

В истории обживания Усты-кала можно выделить несколько этапов. Поселение на вершине естественного холма возникло в кушанский период. Крепость на этом месте продолжала развиваться, возможно, после небольшого перерыва, и в раннем средневековье. Отсутствие археологических материалов IX–XIV вв. свидетельствует о запустении крепости, связанном с арабским нашествием. Следующий этап в развитии Усты-кала следует относить к XV–XVI вв.; он продолжался до начала XX в. Таким образом, Усты-кала – единственное крупное городище-крепость на севере правобережной части Чарджоуского оазиса. Она являлась важным стратегическим пунктом на трассе древних и средневековых караванных путей по правому берегу Амударьи и водному пути по реке, выполняя при этом функцию сторожевого поста. В древности и средневековье в районе Усты-кала была переправа, подступы к которой охранял гарнизон крепости. Косвенным подтверждением этому служит факт расположения напротив Усты-кала, на левом берегу, нескольких древних и средневековых памятников, в частности крупнейшего городища Одей-депе (рис. 1, 8), существовавшего с IX в. до н. э. до XII в. [Пилипко, 1979. С. 27–52; Бурханов, 2005. С. 29–33], а также находящаяся неподалеку современная переправа.

В 1993–1994 гг. САИАЭ ИИ АНТ (А. А. Бурханов) продолжила исследования памятников в Чарджоуском оазисе, в пределах Фарапского (правобережье) и Чарджоуского (левобережье) этрапов Лебапского ваялята Туркменистана.

Одним из объектов наших исследований стали остатки древнего и средневекового поселения Битык-Феребра (Старого Фараба), или Битык-кала (рис. 1, 9; 5; 6). Руины этого городища находятся на правом берегу Амударьи, к западу от райцентра Фарап Фарапского этрапа, близ железнодорожной станции Новый Фараб, на землях дайханского хозяйства «Лебап» (бывшего колхоза «Коммунизм»), напротив расположенного на левобережье одного из важнейших центров Хорасана на трассе «Великого шелкового пути», административного и культурного центра Чарджоуского оазиса и всего Лебапского региона – городища Амуля-Чарджуя [Бурханов, 2005. С. 35–37]. Битык-кала была построена на естественном песчаном берегу Амударьи и являлась правобережным форпостом переправы в районе Амуля-Чарджуя.

Данные письменных источников о Битыке очень скудны и ограничиваются только упоминанием этого поселения. В частности, сведения о нем имеются у бухарского историка X в. Мухаммеда Наршахи, переправившегося в начале XIX в. через Амударью у Битыка английского агента Александра Бернса, неоднократно плававшего по Амударье на каюках и пароходах с 1873 по 1877 гг. русского штабс-капитана А. Быкова, путешественника Белявского и академика В. В. Бартольда [Наршахи, 1987; Frye, 1954; Белявский, 1885; Бартольд, 1963; Бурханов, 2009]. В послереволюционной литературе сведения о Битыке (Старом Фарабе) имеются в работах М. Е. Массона [1963; 1966. С. 163–181].

Первую попытку археологического обследования на месте остатков Старого Фараба провел в 1916 г. Л. А. Зимин [1917] (см. также: [Бурханов, 2005. С. 13, 26; 2009. С. 16]). В 1956 г. XVI отряд ЮТАКЭ (руководитель М. Е. Массон) производил изучение Старого Фараба (Битыка) путем сбора опросных сведений у местного населения, археолого-топографической съемки развалин, зачистки стен на цитадели городища, архитектурных обмеров здания Ходжа-Баба-Фараби. Небольшая зачистка, выполненная

Рис. 5. Битык-кала (съемка с вертолета, фото 1993 г., снято с запада)

Рис. 6. Битык-кала (снято с севера)

в 1956 г. Ш. Ташходжаевым в юго-восточном углу цитадели городища, выявила следы нескольких разновременных кладок крепостных стен [Массон, 1966; Бурханов, 2009. С. 18]. Самая ранняя сложена из крупных сырцовых кирпичей (42 × 30 × 9,5–10 см), которые можно отнести к раннему средневековью. При капитальном ремонте фортификационных сооружений крепости были использованы квадратные сырцовые кирпичи размером: 32 × 32 × 8–9 см. Находки кусков шлаков и остатков кирпичеобжигательных печей свидетельствуют о былом местном производстве жженных кирпичей (20 × 20 × 3; 21 × 21 × 3,5; 22 × 22 × 3,5; 23 × 23 × 4; 24 × 24 × 4,5; 25 × 25 × 5; 26 × 26 × 6; 27 × 27 × 4,5–5; 28 × 28 × 6–6,5 см) в X–XIII вв. [Массон, 1966. С. 170, 174].

В 1961–1963 гг. сотрудником сектора археологии ИИ АН ТССР О. Оразовым было произведено археолого-стратиграфическое изучение развалин древнего Битыка. Для выяснения стратиграфии он в 1961 г. заложил в северной и южной частях холма 2 шурфа [Оразов, 1965]. Под мощными напластованиями средневекового времени были обнаружены слои античного времени – первых веков н. э. [Там же]. В частности, в северном фесе поселения зафиксированы сохранившийся участок стены и остатки полукруглой башни в северо-восточном углу. Здесь уцелели 4 бойницы, расположенные на расстоянии 2 м одна от другой. Отверстия бойниц прямоугольные, их ширина – 12–13 см, высота – 1,25 м. Стена, построенная из пахсы и сырцовых кирпичей размером 33 × 22 × 7 см, сохранилась на высоту до 2,5 м.

Проведенные нами в 1993–1994 гг. стратиграфические раскопки были связаны с угрозой дальнейшего разрушения остатков памятника в ходе земляных и сельскохозяйственных работ, проводимых местными хозяйствами [Бурханов, Кулиев, 1993. С. 51–53]. К моменту наших исследований остатки поселения представляли собой подтреугольный холм (72 × 64 × 78 м, высотой 8 м), верхняя поверхность которого выровнена бульдозером. О том, какую площадь занимало поселение, можно судить только по подъемному материалу и рассказам старожилов, так как остатки памятника сильно разрушены и окружены хлопковыми полями. По имеющимся данным, центральную часть поселения Битык составляла крепость

площадью до 6 000 кв. м. Еще в XIX в. вокруг Битыка имелись остатки внешней пахсовой стены поселения, которая окружала территорию примерно в 20 га; ее высота составляла 3 м, ширина – 2,5 м, сверху стену венчали пахсовые зубцы. Стена имела четверо ворот: на севере – «Бухара дарваза», на юге – «Чарджуй дарваза», на западе – «Ургенч дарваза» и на востоке – «Карши дарваза» [Ходжаниязов, 1973. С. 11]. До настоящего времени стена не сохранилась и о границах территории древнего и средневекового поселения, охватываемой им территории, можно судить лишь по подъемному материалу, который представлен отдельными находками и фрагментами позднеантичной керамики, а также периодов XI–XIII и XVIII–XIX вв.

Особый интерес представляет терракотовая фигура-бюст воина-правителя. Изображение фронтальное. Лицо одутловатое, сравнительно узкие глаза. Нос удлиненный и большой. Рот средних размеров, пухлый подбородок. Левая рука прямо приложена к правой груди. Мужчина одет в доспех: тело покрыто чешуйчато-сетчатой кольчужной рубахой. Головной убор, также чешуйчато-сетчатый, закрывает практически весь лоб. Мощная голова чуть наклонена вперед. Размеры фигурки: 7,1 × 3,5 × 2,7 см [Бурханов, 2005. С. 125, рис. 63, 2; 2007б. С. 73–84. Рис. 5 а, б].

Наши стратиграфические исследования 1993 г. (шурфы: 6 × 5 и 3 × 2 м, зачистки и разрезы в разрушаемой части холма) выявили культурные напластования мощностью до 4 м. Основные строения древнего и раннесредневекового поселения были сружены из кирпича-сырца (42 × 38 × 8 и 33–38 × 22 × 7 см). В северном фесе холма зафиксирован участок стены (высотой 2,5 м), в северо-восточном углу – остатки полукруглой башни с четырьмя бойницами. Среди находок – разнообразная керамика II–XIX вв., а также пряслица, бусы, изделия из камня и стекла, бронзовый наконечник стрелы, медная монета (плохого качества). Найдена терракотовая фигурка хорезмийского типа, изображающая стоящую женщину в длинном одеянии (рис. 7). В правой, прижатой к груди руке (из-под платья) она держит предмет из железа, верхняя часть которого напоминает знак . Размеры терракоты: 8,7 × 5,1 × 2,0 см [Бурханов, 1997. С. 111].

Рис. 7. Терракотовая фигурка из Битык-кала (фото)

В результате изучения стратиграфии поселения удалось выявить 4 основные группы керамики.

Комплекс находок первой группы представлен керамической посудой и изделиями, относящимися к первым векам нашей эры. В основном, керамика указанной группы состоит из кринкообразных сосудов, которые традиционно употреблялись для хранения воды и пищи. В шурфе № 1, заложенном О. Оразовым, а также в нижних слоях шурфа 1993 г., выявлены фрагменты керамических изделий III–IV вв. Ко второй группе керамических изделий относятся фрагменты посуды VIII–X вв. Третий керамический комплекс представлен глазурованными чашами XI–XIII вв. И, наконец, четвертая группа находок состоит из фрагментов больших поливных сосудов XVIII–XIX вв., покрытых грязно-голубой и темно-коричневой поливой.

Таким образом, на основе археолого-стратиграфического исследования Битыка намечены основные этапы его заселения – от кушанского времени до XIX в. Установлено, что древнейшая основа поселения приходится на первые века н. э. Вероятно, Битык-кала сосуществовала одновременно с Амударьей. Этому благоприятствовали расположение на трассе караванно-торговых путей и вхождение в состав Кушанского государства. Битык в это время имел пахсовую стену с бойницами. Следующий этап ренессанса Битыка, как и многих иных поселений Средней Амударьи, связан с домонгольским средневековьем (X–XIII вв.), особенно в период вхождения этих земель в состав Саманидского государства.

Другим стратегически важным объектом правобережья является *кёшк* Зухра-Тахир или Кешк-кала (городище Навидах), расположенный в 80 км к югу от райцентра Фарап, выше по течению Амударьи, в 30 км на север от Бурдалыка, неподалеку от селения Култук (участок «Меденият») Ходжамбаского этрапа (рис. 1, 11). Это остатки крупного городища на правом берегу Амударьи, напротив современного райцентра Гарабекюль (на левом берегу) и древнего административно-столичного центра Карабекаульского оазиса – городища Ходжа-Идат-кала [Бурханов, 2005. С. 60–67; 2010. С. 39–41]. Сейчас остатки городища находятся непосредственно на берегу рукава (*арна*) Амударьи, в 0,5 км от самой реки,

которая некогда протекала в непосредственной близости от него (рис. 8). В связи с этим половина городища, включая значительную часть цитадели, оказалась смытой и разрушенной. Судя по сохранившейся части городища, оно имело в плане форму квадрата со стороной около 250 м. Северо-восточный угол его скошен, в центре возвышаются остатки высокой цитадели. Въезд на городище, скорее всего, располагался в северной стороне, где имеется глубокая промоина в оплывшем вале внешней стены.

Кладка внешней стены указывает на наличие нескольких периодов строительства или неоднократные перестройки. Среди строительного материала встречены сырцовые кирпичи следующих размеров: 47 × ? × 11; 44 × 43 × 8; 40 × ? × 8,5; 35 × ? × 10; 27 × 45 × 9 и ? × 25 × 10 см. Некоторые кирпичи украшены тамгами-знаками в виде трех точек и двух параллельных линий. Стены цитадели были фланкированы полукруглыми выступающими наружу башнями. Лучшее всего сохранилась угловая юго-восточная башня. Высота сохранившейся части башни 3 м, диаметр 8 м при толщине стен 1,3 м. Внутри круглое в плане помещение. В северо-восточном углу самого городища наиболее полно сохранились угловая башня и часть стены. Башня полукруглая, высота ее – 2,35 м, построена из сырцовых кирпичей размерами 47 × ? × 11; 46 × ? × 10; 46 × ? × 10; 46 × ? × 11 и 37 × ? × 12 см. Толщина стен башни равна 1,10 м, ее радиус – 3,50 м. Толщина стен до 60 см, в качестве строительного материала использовались сырцовые кирпичи размерами 40 × ? × 12 и 25 × ? × 10 см и пахсовые блоки – 80 × 114 × 57 см.

Руины цитадели, сооруженной на высоком естественном песчаном холме, превращены рекой в гигантский стратиграфический разрез, в котором хорошо видно чередование культурных напластований, достигающих мощности до 17 м. Фиксируются мощные горелые слои – следы большого пожара. В некоторых местах прослеживаются стены помещений, сложенные из пахсы и сырцовых кирпичей: 45 × 25 × 10; 40 × ? × 10 и 34 × ? × 10 см. В. Н. Пилипко связывает нижние слои городища с раннесредневековым временем [1972. С. 74]. Однако в подножии цитадели нами обнаружены материалы более раннего времени – позднекушанского. В частности, среди подъемного

Рис. 8. Городище Навдах (съемка с вертолета, фото 1993 г., снято с запада)

материала в значительном количестве выделяются тонкостенные красно- и коричнево-лощенные чаши высокого качества. На внешней стороне некоторых чаш видны следы гофрирования. Эти изделия имеют широкие аналогии с керамикой из памятников III–IV вв. н. э., в частности Амуля, Кутнамкалы, Варахшы, Одей-депе [Шишкин, 1963. С. 116–118. Рис. 55; Пилипко, 1979. С. 32. Рис. 4, 13; 7, 26]. Найдены также бокалы, изготовленные из высококачественного теста.

Среди подъемного материала, выявленного на городище Навдах во время разведочных работ в 1982 г., интерес представляет нижняя половина статуэтки богини с сосудом или виноградной гроздью. Фрагмент статуэтки изображает часть женской фигурки, одетой в не очень длинное платье, из которого видны схематически изображенные ноги.левой рукой женщина держит за горлышко высокий кувшин (или гроздь винограда) – это изображение схематическое и неясное. Статуэтка сработана штампом, оттиск – некачественный. Тыльная

сторона неровно заглажена, видны глубокие следы пальцев. Размеры сохранившейся нижней части статуэтки – 6,6 × 3,1 × 1,6 см. Перед нами фрагмент явно пробного или бракованного экземпляра терракотовой фигурки, изображающей богиню плодородия, культ которой был широко распространен на древнем Востоке. Статуэтку из Навдах можно датировать II–IV вв. н. э.

К сожалению, площадь и конфигурация поселения античного времени не устанавливаются из-за мощных средневековых наслоений и сильной разрушенности городища. Его микрорельеф сильно сглажен. На поверхности в большом количестве встречается разнообразная керамика. Основная ее масса может быть отнесена к X–XII вв. Этим же временем можно датировать керамику, полученную из зачистки в одной из промоин на городище. На поверхности поднята бронзовая заклепка – украшение в форме сердца. В ходе разведочных работ 1990 г. на городище была найдена и бронзовая монета – фельс чекана династии Саманидов. Монета выпущена в Бухаре в 343 г.

хиджры (965 г.) при правлении Саманида Насра бин Ахмеда¹.

К северу от городища, в песках, зафиксированы мощные накопления средневековой керамики. Скорее всего, здесь располагался ремесленно-торговый пригород, где и находился квартал керамистов.

Крупные размеры городища, его географическое положение и факт интенсивного развития в X–XII вв. позволили отождествить остатки *кёшика* Зухра-Тахир с городом Навидах, известным в средневековых источниках. Так, в частности, аль-Макдиси в своем труде «Наилучшие распределения для познания стран» (985 г.) упоминает среди наиболее известных городов на Джейхуне, наряду с Термезом, Келифом, Земмом, Амудлем, Фарабом, и город Навидах. Он охарактеризовал Навидах как «небольшой городок на Хайтальской (согдийской или правобережной. – А. Б.) стороне», где «переправляются люди из Самарканда». Здесь «соборная мечеть в центре города». Именно благодаря удобному географическому положению город достиг крупных размеров и благополучия [Материалы..., 1939. С. 184, 208]. Практически все имеющиеся источники и исследователи среди наиболее важных 5 городов Средней Амударьи, возникновение и существование которых определялось местами удобных переправ, называют и Навидах [Беленицкий и др., 1973. С. 392]. Наличие переправы в районе Навидаха, игравшей важную роль в прошлом, можно подтвердить и тем, что напротив остатков этого исторического объекта располагаются руины древнего столичного центра густонаселенного в древности Карабекаульского оазиса – городища Ходжа-Идат-кала. Здесь же, в 13 км выше по течению Амударьи, действует современная Карабекаульская переправа.

В 5 км к юго-востоку от райцентра Ходжамбасс сохранились руины крепости Ак-депе-кала. Остатки городища имеют прямоугольную планировку (130 × 105 м) с высокой «шишкой» в юго-восточном углу. Высота крепости достигает 8 м, а самая высокая часть – 14 м. На верхней площадке находятся развалины глинобитного медресе, построенного в конце XIX – начале XX в.

¹ Определение монеты произведено Г. А. Федоровым-Давыдовым.

Поэтому в этой части крепости более ранние напластования разрушены и перекрыты слоями столетней давности. Стратиграфические зачистки отдельных участков холма выявили в основном материалы развитого средневековья. Выявлены фрагменты поливной керамики и остатки кладок из жженого кирпича (24 × 24 × 4 см). Судя по остаткам прямоугольных сырцовых кирпичей (34–38 × 24–26 × 7–8 см), крепость была построена еще в раннем средневековье. Скорее всего, в XI–XII вв. здесь уже существовал небольшой город, цитаделью которого была сохранившаяся кала (крепость). Местные жители связывают эту крепость с деятельностью Гузал-шаха – царя гяуров (неверных), что дополнительно подтверждает домусульманское происхождение этого поселения.

В 5–6 км к востоку от Ак-депе-кала, на территории бывшего колхоза «40 лет ТССР», в 8–9 км от райцентра Ходжамбасс, расположены остатки трех одноименных холмов – Шор-депе (рис. 1, 14–16). К настоящему времени холм Шор-депе I практически уничтожен в ходе земляных работ. Он находится в 250 м к северо-востоку от Шор-депе III и представляет собой остатки небольшого холма неправильных очертаний, высотой более 1 м.

Поселение Шор-депе II, расположенное в 9 км от Ходжамбасса, представляет собой квадратный холм (75 × 75 м), ориентированный осями по сторонам света. Поверхность холма сильно засолена. По краю холма проходят валы оплывших стен, достигающие высоты 4 м, в центре – обширное понижение. В оплывах стен четко прослеживаются остатки 8 башен. Подъемный материал представлен обломками неполивных сосудов кушанского и раннесредневекового времени.

В 1966 г. краеведом А. А. Ляпиным в Шор-депе II была найдена фигурка коня с всадником. От всадника сохранились лишь следы прикрепления на спине коня. Небольшая объемная фигурка коня обобщенно слеплена от руки. Спина выгнута горбом. Длина фигурки 6,6 см [Пилипко, 1985. С. 173].

Интерес представляет фигурка, изображающая богиню плодородия, которая была найдена в октябре 1990 г. в Шор-депе II Т. Хемраевым (ныне хранится в краеведческом музее Лебапского вейалата). Терракота

небольшая по размеру, ее высота – 11 см. Изготовлена из красной глины на специальной матрице. Лицо у богини удлинненное, чуть прикрытые миндалевидные глаза, как бы уставшие. На голове шапочка в виде короны, на шее – богато оформленное ожерелье. Одета в платье. Фигурку можно датировать I–II вв. н. э. [Бурханов, Хайретдинова, 2007. С. 353. Рис. 1].

Шор-депе III находится в 8 км восточнее от пос. Ходжамбасс. Крепость имеет в плане форму прямоугольника (110 × 105 м). Одна из диагоналей ориентирована по линии север – юг с некоторым отклонением северного угла к западу. Высота холма достигает 5 м. Поверхность холма сильно засоленна. По его краю прослеживаются остатки оплывших сырцовых стен. В середине холма сильное понижение. Въезд в крепость находился в середине юго-восточного фаса. В его восточном углу фиксируется прямоугольная в плане цитадель (40 × 30 м), высота которой до 7 м. Шурф, заложенный вблизи западного угла, выявил материалы, характеризующие обживание поселения в кушанский и кушано-сасанидский периоды.

Остатки Бешир-калы (Койне-калы) находятся в 500 м к северо-западу от пос. Беширкалы Ходжамбекского этрапа (рис. 1, 17). Памятник среди местных жителей известен также как Шехри-Хайбар, что переводится как «большой город». Городище, квадратное в плане (220 × 240 м), ориентировано по сторонам света. В центре – остатки небольшой, сильно разрушенной подквадратной цитадели (30 × 30 м), окруженной в древности рвом. Ее высота до 10 м. Сооружения цитадели были построены из сырцовых кирпичей (38 × 32 × 10; 46 × 32 × 9 см). В качестве строительного материала также использовалась пахса. Высота нуклеарной части поселения – 5–7 м. Поверхность ее холмистая и сильно засоленная. Кроющий памятник слой относится к X–XII вв., но основные культурные наслоения городища относятся к кушанскому и раннесредневековому периодам. При зачистке северо-восточного угла цитадели был обнаружен керамический бокалообразный сосуд кушанского времени. В 1972 г. местными жителями была найдена терракотовая фигурка, изображающая мужчину тюркского типа [Бурханов, 2007б. С. 77–78. Рис. 4].

На основании имеющихся данных можно отметить, что на месте центрального бугра – цитадели городища, в первые века нашей эры была возведена крепость, вокруг которой в раннем средневековье возник небольшой город, продолжавший функционировать и в X–XII вв., как многие иные поселения Лебапского региона. В XVIII в., в период походов Надир-шаха и последующее время междоусобных войн, заброшенные древние крепости и городища по обоим берегам Амударьи, в том числе и Беширкалы, стали использоваться туркменами-эрсари в качестве резиденций вождей племен и укрепленных фортов для укрытия местного населения в случае нападения врагов [Бурханов, 2008б. С. 76–78].

На территории современного пос. Керкичи сохранились остатки древнего поселения, занимающего выдвинутый в Амударью небольшой каменный мыс. Точные его размеры и планировочная структура не устанавливаются ввиду сильной разрушенности и застроенности (рис. 1, 18; 9). Со стороны реки в обрыве прослеживается многометровая толща культурных слоев, накопившихся в течение длительного периода обживания памятника.

Среди подъемного материала имеются фрагменты керамики, которые относятся к древнебактрийскому периоду. Вопрос о функционировании поселения в греко-бактрийский и юэджийский периоды остается открытым до проведения крупномасштабных исследований. Находки обломков красноангобированных сосудов свидетельствуют о наличии слоев кушанского времени. На поселении зафиксированы остатки кладок из крупного сырцового кирпича (42 × 42 × 12 см) и вымостки из кушанского жженого кирпича (37 × ? × 5 см). Значительными по мощности напластованиями представлен период средневековья. По данным письменных источников, в домонгольский период (X–XIII вв.) здесь находился небольшой городок Ахсисак [Материалы..., 1939. С. 178; Массон, 1955. С. 200; Бурханов, 2009. С. 17–18].

Помимо описанных археологических памятников на правом берегу Амударьи, в пустынной зоне, в районе пос. Талимарджан, сохранились многочисленные цистерны-сардобы для сбора и хранения дождевой воды. Они строились (по одной из трасс ка-

Рис. 9. Городище Керкичи (снято с севера)

раванных путей) из жженого кирпича на крепком растворе в виде купольных зданий и, относясь к архитектурным памятникам, требуют детального специализированного изучения. Кроме того, южнее Керкичи по правому берегу, вплоть до Келифа (почти до афганской границы), сохранились остатки около двух десятков поселений древнего и средневекового времени. Детальная их характеристика должна быть предметом отдельной публикации.

Таким образом, в настоящей статье мы представили основные сведения о древних и средневековых объектах поселенческого типа правобережья Амударьи в пределах Фарапского и Ходжамбасского этрапов (районов) Лебапского ваята, являвшихся объектами наших исследований.

Подводя в целом предварительные итоги изучения археологических памятников рассматриваемой части Лебапского региона, необходимо подчеркнуть, что природно-географические и экологические условия побережья Амударьи, постоянное интенсивное использование территории прибрежной части в хозяйственных целях отрицательно влияют на сохранность объектов прошлого. До настоящего времени, прежде всего, в правобережной части, относительно хорошо сохранились в основном крупные и многослойные памятники, а остатки мелких поселений погребены под культурно-ирригационными наносами, разобраны местным населением для удобрения используемых в земледелии площадей, уничтожены в ходе

промышленного и жилищного строительства, в отдельных случаях находятся в зоне современных «святых мест» – кладбищ. Кроме того, остатки некоторых памятников, расположенных в непосредственной близости от Амударьи, прежде всего в правобережье, разрушаются в связи с постоянными изменениями русла этой бурной реки, не зря названной арабами «Джейхун». Мы в этом убедились по итогам исследований таких объектов, как городища Усты-кала, Наргиз-кала, Битык-кала, кешк Зухра-Тахир (Навидах), которые были в значительной части смыты и уничтожены Амударьей. Все это делает крайне ограниченными наши представления о прошлом рассматриваемого региона, особенно в правобережной части Чарджоуского и Карабекаульского оазисов в пределах административных Фарапского и Ходжамбасского этрапов (районов) Лебапского ваята.

Вместе с тем дошедшие до наших дней памятники прошлого, в большинстве своем имеющие средние размеры, сохранились относительно хорошо и дают четкое представление об их планировочной структуре. Полученные нами материалы в изученных памятниках правобережья Средней Амударьи, в частности городищах Кыз-кала, Наргиз-кала, Битык-кала, кеш Зухра-Тахир, Шор-депе I, II и III, Бешир-кала и Керкичи, позволяют составить общее представление о развитии материальной культуры поселений Лебапского региона в древности и средневековье, а также определить основные на-

правления дальнейших историко-археологических исследований в Восточном Туркменистане.

Список литературы

Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 2, ч. 1. 1020 с.

Белявский. Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Усть-Урту и Амударье // СМА. СПб., 1885. Вып. 25. 102 с.

Бердыев О. Археологические исследования Института истории АН ТССР // АО 1966. М.: Наука, 1967. С. 326–328.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М.; Л.: Наука, 1973. 389 с.

Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, 1986. 248 с.

Бурханов А. А. Наконечники стрел из крепости Кыз-кала (Средняя Амударья) // Культурные ценности / Cultural values. Международный ежегодник. 1996. СПб.: Европейский дом, 1998. С. 185–186.

Бурханов А. А. Археологические исследования Среднеамударьинской экспедиции. // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 110–115.

Бурханов А. А. Археологические исследования в Чарджоуском оазисе (итоги исследований 1993–1994 гг. в Восточном Туркменистане) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 165–169.

Бурханов А. А. Древний Лебап. Казань: Gumanitarya, 2005. Ч. 1: Археологические памятники области Амуля. 196 с.

Бурханов А. А. Лебап от кушан до саманидов (историко-археологический очерк среднего течения Амударьи) // Ирано-Славика. 2006а. № 3, 4 (12). С. 51–57.

Бурханов А. А. Предметы вооружения из Лебапского региона (по материалам Среднеамударьинской археологической экспедиции) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006б. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 65–69.

Бурханов А. А. Древний и средневековый Лебап (историко-археологический и географический очерк Среднеамударьинского региона) // Восток (Oriens). 2007а. № 3. С. 5–19.

Бурханов А. А. Изображение воинов в произведениях короластики раннего средневековья из Лебапского вelayта // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007б. С. 73–84.

Бурханов А. А. Амуль-Чарджуй на трассе Великого шелкового пути (краткий историко-археологический очерк развития столичного центра Лебапского региона) // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия «История, политология». 2008а. № 4/3. С. 27–32.

Бурханов А. А. Из истории Лебапского региона в эпоху жизни и творчества Махтумкули Фраги (к вопросу изучения культуры поселений Средней Амударьи в XVII–XIX вв.) // Махтумкули и его эпоха: Материалы междунар. науч. конф. Казань: АН РТ, 2008б. С. 74–78.

Бурханов А. А. История изучения археологических памятников Лебапского региона (побережье среднего течения Амударьи в пределах Туркменистана) // История науки и техники. 2009. № 12. С. 15–23.

Бурханов А. А. Кушанские крепости и поселения Средней Амударьи (по материалам историко-археологических исследований в Карабекаульском оазисе Лебапского региона Туркменистана) // История науки и техники. 2010. № 4. С. 36–48.

Бурханов А. А., Кулиев А. К. Археологические работы в Чарджевском оазисе весной 1993 года (предварительные результаты) // Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи. Чарджев: Изд-во ГКТПП, 1993. С. 51–53.

Бурханов А. А., Хайретдинова Г. И. Находки терракотовых фигурок из поселений Керкинско-Мирзабекского оазиса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2007. С. 353–354.

Древности Южного Хорезма // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1991. Т. 16. 288 с.

Зимин Л. Старый Фараб, развалины у берегов Амударьи // ПЗКЛАИВ. Ашхабад, 1917. Вып. 3. С. 1–8.

Массон М. Е. Хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948–1952 гг. // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1955. Т. 5. С. 197–249.

Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Туркменистан, 1966. Т. 13. С. 298 с.

Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 году // ИАН ТССР, СОН. Ашхабад, 1963. № 3. С. 45–58.

Материалы и исследования по истории туркмен и Туркмении. Арабские и персидские источники. VII–XV вв. // ТИВ АН СССР. М.; Л.: АН СССР, 1939. Т. 1. 612 с.

Наршахи М. История Бухары. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987. 182 с.

Оразов О. Археолого-стратиграфическое изучение развалин Битыка близ железнодорожной станции Новый Фараб // ИАН ТССР, СОН. Ашхабад, 1965. № 4. С. 12–22.

Пилипко В. Н. Некоторые археологические памятники правобережья Средней Амударьи // ИАН ТССР, СОН. Ашхабад, 1972. № 5. С. 72–77.

Пилипко В. Н. Древнее городище Одейдепе на среднем течении Амударьи // КД. Ашхабад: Ылым, 1979. Вып. 8. С. 27–54.

Пилипко В. Н. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области // НИАТ. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 70–97.

Пилипко В. Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985. 216 с.

Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 180–183.

Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

Ходжаниязов Т. Археологические памятники Чарджоуской области (материалы к лекции). Ашхабад: Знание, 1973. 21 с.

Шишкин В. А. Варахша. М.: Наука, 1963. 250 с.

Гуломов Я. (Гулямов Я.) Киз калъаси // Мехнат ва тулуш. Ташкент, 1972. № 10. С. 12–13. (на узб. яз.)

Frye R. N. The History of Bukhara. Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhī. Cambridge, Mass.: Mediaeval Academy of America, 1954. 178 p.

Материал поступил в редколлегию 28.12.2010

A. A. Burkhanov

**SOME RESULTS OF STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES RIGHT BANK OF MIDDLE AMUDARYA
(WITHIN THE LEBAP PROVINCE OF TURKMENISTAN)**

Archaeological sites within the right bank of the Amu Darya Lebap region (East Turkmenistan), compared with the left bank, are few and poorly understood. Physiographic and environmental conditions in the region are unfavorable for the preservation of archaeological sites, in addition, they are subject to destruction by the Amu Darya and in connection with the economic development of those lands. Archaeological research, particularly in Usty-Cala, Bityk-Cala, Navidah and other objects of the past, have yielded new data that characterize the material culture of the region's population in the ancient and medieval times.

Keywords: Middle Amu Darya, ancient and medieval times, archaeological objects, fort, citadel, walls and towers, the stratigraphy of the settlement, the cultural layer, adobe bricks, river crossing.